

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ГУБЕРНСКОМ «ОПИСАНИИ» М. И. СЛАВИНСКОГО (1818)

Е. Ю. Захарова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 июня 2024 г.

Аннотация: публикация посвящена анализу одного из аспектов исследования воронежского краеведа – Матвея Ивановича Славинского. Выявлена археологическая составляющая в его труде «Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии» (1818), оценивается уровень проделанной им работы в области археологии в сопоставлении с предшественником – Евфимием Алексеевичем Болховитиновым.

Ключевые слова: Матвей Иванович Славинский, древности, история археологии, краеведение, Воронежская губерния.

Abstract: the article deals with one of aspects in the studies of Matvey Ivanovich Slavinsky, the Voronezh local studies expert. The author reveals an archaeological component in his book called *Historical, Topographical and Statistical Description of the Voronezh Governorate* (1818), and estimates the level of his work in the field of archaeology as compared to his predecessor, Yevfimy Alekseyevich Bolkhovitinov.

Key words: Matvey Ivanovich Slavinsky, antiquities, history of archaeology, local studies, Voronezh Governorate.

На рубеже XVIII–XIX вв. любительские занятия гуманитарными науками начинают привлекать российский провинциальную интеллектуальную элиту. Итоги таких изысканий находят отражение в публикациях экскурсов в прошлое родного края, очерков местных нравов и обычаев, в которых фигурируют и наиболее известные древности (см. работы А. А. Засецкого по Вологодской земле, Д. И. Карманова – по Тверскому краю, В. В. Крестинина – по истории Русского Севера, П. И. Рычкова – по Поволжью и Зауралью, Н. С. Сумарокова – по истории Костромы и др.).

Для Центрального Черноземья новые веяния тоже постепенно овладевали умами просвещенной/читающей публики из числа потомственных аристократов, выходцев из купечества и духовенства, мещан. Для нарождающегося слоя провинциальной интеллигенции интерес к местной истории становится одним из характерных проявлений. Правомерность употребления этого термина применительно к «образованной, просвещенной и умственно развитой части общества» XVIII – начала XIX в. убедительно аргументировал С. С. Илизаров [1, с. 8], мнение которого мы разделяем. В ряду обстоятельств, сделавших возможным формирование «тонкого слоя интеллигенции» (по выражению А. Н. Акиншина) в губернском Воронеже в последней четверти XVIII в., упомянутый исследователь называет увеличение числа чиновников,

появление учителей для созданных в 1785 г. народных училищ и врачей в связи с открытием больницы при Приказе общественного призрения, регулярные выпуски семинаристов [2, с. 44]. В качестве основной причины роста с конца XVIII в. численности провинциальной тамбовской интеллигенции исследователи указывают на появление в губернском городе широкой сети крупных учебных заведений, что способствовало закладыванию исторических и культурных традиций регионалистики [3, с. 12–13].

В просвещенной среде столичной интеллигенции в это же время, как показал А. А. Формозов, формируются импульсы к сбережению и изучению памятников старины [4, с. 34–38]. Государственные учреждения и столичные научные сообщества организуют первые акции по сбору сведений об отечественных исторических памятниках, по формированию системы их охраны. Но, главное, зарождается та самая московская культурная традиция, истоки и специфику которой раскрыл С. С. Илизаров: «Во второй половине XVIII в. в Москве постепенно образовывалась и, все более усложняясь, расширялась и крепла своеобразная «капиллярная система», шел активный процесс формирования благотворной среды, в которой протекала творческая жизнь московской интеллигенции... В истории московской интеллигенции выделяется ряд фигур, которые становились для современников центром притяжения, образовывали вокруг себя особые миры и сообщества... Деятельность Новикова – издателя, гуманиста, просветителя, лидера московских масонов – втягивала в свою орбиту многих других, инициировала начало деятель-

ности новых литераторов, ученых и просветителей, которые в свою очередь создавали вокруг себя новые миры русской культуры. Однажды начавшееся движение породило непрерывную культурную традицию...» [1, с. 10].

Проявлением этой тенденции на воронежской земле стала деятельность в последние десятилетия XVIII столетия «болховитиновского кружка» – первого из известных в губернии объединения любителей просвещения [2]. Его название является производным от фамилии лидера – Евфимия Алексеевича Болховитинова (1767–1837) – «разностороннего ученого-гуманитария» (в оценке С. О. Шмидта), «воронежского Колумба» (по словам О. Г. Ласунского). Как известно, Е. А. Болховитинов прожил в Москве три года (1785–1788), в течение которых окончил полный курс Славяно-греко-латинской академии, прослушал ряд дисциплин в университете, сблизился с Н. И. Новиковым, Н. Н. Бантыш-Каменским, Н. М. Карамзиным и другими представителями столичной интеллектуальной элиты, поработал корректором и переводчиком [5, с. 186–187, 194]. Безусловно, именно московский импульс определил его дальнейший творческий путь, а личные качества позволили стать проводником московской культурной традиции в провинции.

В рассматриваемое время в столичных научных кругах в неразрывной связи с гуманитарными науками мыслилась и археология. Расширительное толкование статистики и географии позволяло относить древности к объектам исследований в этих областях. В рамках складывающейся концепции отечественной истории как исторический источник стали рассматриваться и вещественные древности. Их не исключала из сферы своих интересов и развивающаяся этнография. В целом, такая ситуация соответствует этапу становления науки, на что указывал и Г. С. Лебедев, выделяя период с 1774 по 1825 г. в качестве заключительного этапа зарождения археологии в России [6, с. 68].

Одним из проявлений охарактеризованной тенденции развития гуманитарного знания становятся губернские «Описания», в которых исследовательские элементы всех упомянутых выше наук сочетаются в разных комбинациях в зависимости от степени подготовленности автора. Неслучайно поэтому, что данные труды и по сей день вызывают интерес у представителей самых разных гуманитарных дисциплин. Ближе всего к предмету нашего изучения – археологической составляющей в этих работах – историографические и этнографические исследования.

В процессе формирования во второй половине XVIII в. отечественной провинциальной историографии, как показала А. А. Севастьянова, проявляют себя три способа писания местной истории: авторский,

летописно-хроникальный и государствоведческий. Первый из перечисленных, по ее мнению, постепенно становится доминирующим [7, с. 153]. Эта тенденция характерна и для губерний Центрального Черноземья. И в Курске, и в Воронеже именно в рассматриваемое время появляются первые авторские печатные труды по истории края, в Тамбове первые краеведческие публикации относятся к середине XIX в. В 1786 г. в Москве была опубликована работа Сергея Ивановича Ларионова «Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней Расправы Прокурором». В 1800 г. в Воронеже увидел свет труд Евфимия Алексеевича Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний В[оронежской] С[еминарии] П[рефектом], П[авловским] П[ротоиереем] Е. Болховитиновым». Таким образом, первопроходцем на этом пути в нашем регионе мы можем по праву именовать Сергея Ивановича, но более высокий уровень профессионализма, как уже неоднократно отмечалось специалистами, характерен для труда Евфимия Алексеевича. Археологическая составляющая в этих исследованиях, как показатель передовой для того времени тенденции формирования национальной археологии, уже была предметом нашего исследования [8]. В настоящей же публикации обратимся к труду продолжателя традиции Е. А. Болховитинова на воронежской земле – М. И. Славинского.

Предварить анализ считаем необходимым следующей ремаркой. Обращение Е. А. Болховитинова к вещественным древностям с территории Воронежской губернии как к историческим источникам – это первый опыт в археологии региона. В данном случае он успешно применяет при характеристике сюжетов местной истории наиболее передовые методологические принципы российской исторической науки, согласно которым отечественные древности обретали не только эстетическую, но и научно-познавательную ценность [6, с. 63]. Для нас важен еще и тот факт, что инициатива Е. А. Болховитинова нашла своих продолжателей среди его непосредственного окружения и в Воронеже уже после его отъезда. Через несколько лет в Харькове выходит в свет «Опыт повествования о древностях русских» (1818 г.), принадлежащий перу Гавриила Петровича Успенского (1765–1820), одного из наиболее известных лиц из болховитиновского окружения в Воронеже [2, с. 48].

В Воронеже в том же 1818 г. учителем губернской гимназии Матвеем Ивановичем Славинским была закончена рукопись «Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии» [9]. К ее анализу мы и обратимся.

Как уже было сказано выше, и после отъезда Е. А. Болховитинова в Воронеж продолжилась работа над составлением «Описания» губернии. По мнению А. Н. Акиншина, ее инициировал воронежский губернатор М. П. Штер, а сводил справочные сведения воедино и обрабатывал М. И. Славинский как единственный в губернии специалист по географии и статистике [10, с. 200]. Не удовлетвовавшись составлением «Статистического описания» по шаблонам Вольного экономического общества (1811–1812 гг.), М. И. Славинский по окончании этой работы (1812–1813 гг.) написал авторское сочинение [там же]. Краеведческая работа Матвея Ивановича не обойдена вниманием воронежских исследователей, достаточно подробно освещен в печати и его жизненный путь [10; 11], что избавляет нас от повторного изложения. Отметим лишь, что Матвей Иванович Славинский (1772 (1773)–1824?) получил образование в Харьковском университете (хотя и не закончил его) и с 1808 по 1822 г. учительствовал в Воронеже, преподавая историю, географию, статистику, латинский язык. Последние годы жизни провел в уездном Бирюче, исполняя должность штатного смотрителя местного училища. А. Н. Акиншин подчеркивает несамостоятельность М. И. Славинского как историка, следование его во всех сюжетах за Е. А. Болховитиновым. К аналогичному выводу пришли и мы, проанализировав привлеченные им археологические данные. По объему информации они ненамного превосходят подборку в предшествующем «Описании» (добавлена информация по Острогжскому и Новохоперскому уездам, присоединенным к губернии уже после выхода в свет труда Болховитинова), но аналитическая составляющая практически во всех случаях опущена.

В «Отделении I», где помещено историческое описание губернии, М. И. Славинский привлекает археологические памятники для подтверждения исторических событий лишь однажды. Так, характеризуя древнейшее прошлое края до XVI в., он упоминает два урочища «Поляна и Городище, слышущие под названием Казарских», которые находятся вблизи Воронежа и «служат неоспоримым доказательством, что козары обитали в странах нынешней Воронежской губернии» [9, с. 11]. Здесь же приводится и описание археологических памятников. «Поляна, со всех сторон лесом окруженная, находится в двух верстах от города Воронежа, поперечник ее около двух верст. Городище в 5-ти верстах от сего же города на утесистом берегу реки Воронежа имеет вид полуовала, высота его около 6-ти, ширина 20-ти, длина 150 сажень. Приметно, что сие городище с продолжением времени весьма умалалось, будучи подмываемо течением реки Воронежа» [там же].

При сопоставлении данного описания с уже имевшимся в публикации Болховитинова очевидны различия. Вполне вероятно, что эту достопримечательность М. И. Славинский не поленился посетить лично. Впервые появляются размеры памятника, охарактеризован естественный процесс его разрушения. Вместе с тем автор не упоминает о валах, отмеченных предшественником.

Во втором отделении археологические объекты фигурируют чаще. Как правило, они являются частью того блока, который именуется «Места в уезде, достойные (достойнейшие) примечания». Всего нами выявлена такого рода информация в описаниях семи уездов из тринадцати.

В этой связи он указывает в Воронежском уезде на слободу Чижевка – «древность ее доказывают разные домашние и военные в земле находимые старинные вещи и серебряный крест 1665 года, для чижевской церкви сделанный» [там же, с. 85]; бывший город Тавров – на его территории сохранились остатки сооружений петровского времени [там же, с. 87]; село Костенск, где находят «слоновые кости», о которых «ученые судят тройким образом», и древние вещи военного происхождения [там же, с. 87–88].

В Землянском уезде автор обращает внимание на остатки вала и рва вокруг построенной в 1678 г. крепости [там же, с. 95], а также на находки в двух верстах от малороссийского селения Ендовище на горе головы неизвестного зверя, на оленью похожую, а в логу пяти серебряных римских монет с портретом Марка Аврелия, которые были отправлены в Санкт-Петербург [там же, с. 96].

В Острогжском уезде, описывая Дивногорье, упоминает и находящиеся «расстоянием не более версты от меловых столбов на горе остатки древней крепостцы, состоявшей из вала, насыпанного мелом, и рва». Как тут же сообщает автор, «место сие и ныне называется городищем» [там же, с. 109]. В этом же уезде при характеристике заштатного города Калитвы пишет, что он «как пограничный был укреплен валом и рвом, коего остатки и доселе видны» [там же, с. 110].

В Бирюченском уезде описывает «украинскую линию», «служившую защитой от набегов татарских». По его мнению, «начиная от бывшего города Палатова, она простирается по уездам Бирючанскому и Острогжскому и не в дальнем расстоянии от Острогжска примыкается к реке Сосне. Высота вала, глубина и ширина рва по 5 аршин». В самом же уездном городе видны остатки древнего палисада, с четырьмя башнями, окопанного валом и рвом [там же, с. 114].

В Павловском уезде упоминает вал и ров, простирающиеся на 50 сажень вблизи уездного города, редут, устроенный при воротах, ныне называемый

рай-городком, а также земляную крепость с четырьмя бастионами близ Дона над устьем Осереды [там же, с. 132].

В Бобровском уезде в качестве доселе существующих «памятников кочевания нагайских татар» называет «каменные, наподобие человека изсеченные статуи, на высоких курганах стоящие, а в селе Мечетке остатки татарской мечети, отчего и село получило свое название» [там же, с. 138].

В Новохоперском уезде, по его сведениям, в уездном городе «из старых строений осталась крепость о четырех бастионах, на валу коей лежат две чугунные пушки» [там же, с. 146].

Как уже было указано выше, новая информация относится к двум уездам: Острогожскому и Новохоперскому. Отметим также появившиеся впервые размеры вала и рва «украинской линии» (Белгородской черты).

Таким образом, в «Описании» Воронежской губернии, принадлежащем перу М. И. Славинского, продолжена традиция включения информации о вещественных древностях «малой родины» в общую канву повествования. Тем самым было закреплено обретение к ним познавательного интереса. Форма его реализации – описание местных древностей – постепенно получает распространение и остается приоритетной в среде провинциальной интеллигенции – краеведов Центрального Черноземья вплоть до последней четверти XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Илизаров С. С. Московская интеллигенция XVIII века / С. С. Илизаров. – М. : Янус-К. ; Московские учебники и картолитогрфия, 1999. – 370 с.
2. Акиншин А. Н. Воронежский круг общения Е. А. Болховитинова / А. Н. Акиншин // Из истории воронежского края : к двухсотлетию воронежского краеведения : сборник статей. Вып. 8. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. – С. 44–56.
3. Алленова В. А. История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.) / В. А. Алленова, Ю. А. Ми-

зис. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 438 с.

4. Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры / А. А. Формозов. – М., 1990. – 112 с.

5. Акиншин А. Н. Е. А. Болховитинов – основоположник воронежского краеведения / А. Н. Акиншин // Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж : Воронежская областная типография, 2011. – С. 185–198.

6. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. / Г. С. Лебедев. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992. – 464 с.

7. Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века / А. А. Севастьянова. – М. : Археографическая комиссия РАН, 1998. – 292 с.

8. Захарова Е. Ю. Древности Центрального Черноземья России в трудах первых краеведов (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / Е. Ю. Захарова // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 2 (30). – С. 177–183.

9. Славинский М. И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии / М. И. Славинский. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – 240 с.

10. Акиншин А. Н. Краеведческий труд Матвея Ивановича Славинского / А. Н. Акиншин // Славинский М. И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. – С. 193–210.

11. Гайворонский А. И. Второй историк Воронежского края / А. И. Гайворонский // Гайворонский А. И. Золотые архивные россыпи. Из истории культуры Воронежского края (конец XVIII – начало XX в.). – Воронеж, 1971. – С. 81–99.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РАН – Российская академия наук
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТГУ – Тамбовский государственный университет

*Воронежский государственный университет
Захарова Е. Ю., доктор исторических наук, доцент
кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: ez@hist.vsu.ru*

*Voronezh State University
Zakharova E. Yu., Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor of the Archeology and History of
Antiquity Department
E-mail: ez@hist.vsu.ru*